

Н. Н. ЧЕБЫШЁВ

Врангель в зарубежье

I

О государственной деятельности Врангеля в Крыму уже писалось. Имеются его «Записки», где шаг за шагом изложено то, что было сделано или намечалось к осуществлению по внешней политике или гражданскому управлению в краткий срок борьбы за подступы к Таврическому полуострову. «Записки» эти — его политическое завещание. С ним во многом, может быть, придется сообразоваться, когда начнет строиться новая жизнь в России. Первые там годы будут тем же воинским бивуаком среди социальных развалин.

Менее известна «гражданская», так сказать, деятельность Врангеля в зарубежии. Она прошла в трех центрах: в Константинополе, в Белграде (Сремских Карловцах) и Брюсселе. Место в журнале не дает возможности представить настоящий очерк политической деятельности Врангеля за это время с указанием фактов и чисел. Отсылаю интересующихся к превосходной книге В. Х. Даватца «Годы», заключающей в себе блестяще изложенную точную и правдивую историю врангелевского дела после крымской эвакуации.

Здесь я попытаюсь дать только общую характеристику Петра Николаевича как государственного деятеля.

* * *

Врангель принадлежал к числу тех политических деятелей, для которых борьба — естественная стихия. И чем непреодолимее было препятствие, тем охотнее, радостнее он на него шел. В нем был «боевой восторг», то, что делало его военным от головы до пяток, до малейшего нерва в мизинце.

Но он был не только военным, не только военачальником, не только бойцом, рвущимся принять личное непосредственное участие в сражении. Врангель имел дар и вкус к организационной работе, управлению людьми и влиянию разумом, волей, искусными ходами виртуоза-шахматиста для осуществления поставленных им себе политических целей на благо русского дела так, как он это благо понимал.

Он был очень умен, удивительно быстро и тонко разбирался в людях. Разбирался в каждом человеке в отдельности и в психологии больших соединений, именуемых массами. И природа вооружила разум стальной пружиной крепкой воли, а кроме того — тем духовным возбуждением, подъемом, с оттенком экстаза, который позволяет избраннику видеть над головами других, и ярче, глубже чувствовать и хранить в неудачах незыблемость духа.

В этом постоянном горении кроется опасность: оно сжигает самый сосуд священного огня...

II

В конце 1920 года, после крушения Крыма, Врангель оказался в Константинополе, с армией на руках, с учреждениями и гражданским населением, без денег... Всякий человек на его месте постарался бы поскорее ликвидировать «дело», как бы терявшее смысл с утратой государственной территории.

Собственно, Врангель мог со спокойной совестью считать принятую им на себя задачу выполненной: принимая власть, он обязался — вывести с честью и спасти Русскую армию.

Семь месяцев доблестной борьбы составляли печь, в оgne которой обжигался вновь слепленный воинский дух потерявших после Новороссийска веру в себя частей.

В Константинополе Врангель, уступая давлению наших дипломатов в Париже и Союзных держав, мог спокойно и с честью отойти в сторону и наблюдать события. Даже для его честолюбия представлялось более расчетливым отойти от дела, в будущем ничего не сулившего, кроме непреодолимых затруднений и неудач.

Тут сказались отмеченные выше черты личности Врангеля: боевой темперамент, ощущавшийся прилив и готовность, радость биться в минуты наибольших опасностей.

Но тут был не один этот великий боевой порыв сокрушителя препятствий.

Было еще нечто более глубокое.

У всех больших людей, вождей, «кингов» (как сказал бы Карлейль¹) есть непокидающее их чувство долга. Это чувство долга [не?] покрывается сознанием попечительного отца в отношении своих детей. Это чувство долга — нечто большее. В нем кроется мистицизм, неясная вера в будущее, в связь с грядущими поколениями, с судьбами России, с ее прошлым, с заветами отошедших в вечность российских вождей, с подвигами, страданиями, жертвами русского народа, сковавшего звено за звеном величайшую в мире страну.

Врангель никогда не говорил этого, потому что не любил громких слов и чувствительных излияний.

Но около его совести стояла, как бессменный часовой, мысль, повелительно указывавшая на необходимость освободить и спасти Россию.

И политик Врангель сказывался в ясном понимании, что спасенная, им вывезенная из России часть русского народа в лице армии, доказавшей свою жертвенность в борьбе с 1918 годом, культурные силы, ушедшие за границу вместе с нею, учреждения церкви, воспитания, призрения, молодежь, дети, представители науки, литературы и искусства и т. д. — это тот свободный кусок русской земли, который необходимо сберечь от распыления для будущего.

Положение небывалое в мировой истории. Но проникновенный политический разум не нуждается в предыдущих примерах. Он лично всему кладет почин. Он лично сам всему начало. Он творит.

Врангель понимал, что эмиграция — вовсе не толпа беглецов, спасающихся за границей. Он понимал, что ушли за границу на труд и лишения люди, не пожелавшие согнуться под большевистским сапогом. В рядах эмиграции была Белая армия, поднявшаяся на защиту России оружием.

Надо было армию во что бы то ни стало сохранить, вопреки логике, местным законам, международному праву. Вопреки подозрительности иноземных властей и агитации левых группировок в эмиграции. Вопреки обнаружившимся первое время после эвакуации признакам упадка духа в воинских частях.

Но этого мало. Надо создать орган государственного средоточия. И около него собрать всех национально мыслящих деятелей, способных подчинить свои личные политические предпочтения общей цели освобождения родины от большевиков.

Врангель создает в Константинополе Русский Совет.

Он был на верной дороге.

Но с Русским Советом случилось то, чего больше всего опасался Врангель: с переездом командования в Белград, где уже к тому времени успели сложиться политические группировки эмиграции, Русскому Совету суждено было стать ареной партийной борьбы².

Вот в этой партийной сваре Врангель видел наибольшую опасность.

Для организации страшен внутренний враг: в ней сидящее начало внутреннего разложения.

Он был настолько реалист, что не мог не считаться с существованием известных политических течений, между собой враждовавших.

Но, с другой стороны, он видел, что каждое из этих же течений было руслом высохшей реки. Наполнить потоками живой воды [их] могла только освобожденная воскресшая Россия. Да и то было ясно, что в этой возродившейся России и самое русло того или иного политического течения должно было измениться, то или иное политическое течение могло исчезнуть совсем. У Врангеля были свои личные вкусы, он был монархистом, но если про великих вождей

человечества говорят, что они не имеют родственников, то с таким же основанием про них можно сказать, что они *внепартийны*. Врангель был *надпартийным*: иным он тогда и не должен был быть. Он объединял большое количество эмигрантов, объединял массу, чрезвычайно разнородную. Надо было выбирать: или укреплять ту или другую эмигрантскую группу, или укреплять дело противобольшевистской борьбы.

Но главная забота была не в этом. Прежде всего у Врангеля была на руках армия, то, что он считал главной единственной ценностью, подлежащей сбережению во что бы то ни стало. Остальная эмиграция не могла быть удержана в окружении его воздействия и влияния. Он предвидел долгие годы жизни заграницей. И, видя, что Русский Совет, опускаясь на роль какого-то не имеющего прав и фактических возможностей академического предпарламента, грозит превратиться в рупор, разносящий на весь свет не имеющие исхода и практического значения «партийные» расхождения, он поспешил распустить Русский Совет, образованный при командовании Русской армии.

Надо было сохранить единство армии, военной организации. И на это ушла вся напряженная работа Врангеля. И он оказался изумительно прав. Все распалось: монархисты, кадеты, социалисты. А военная организация, именующаяся общевоинским союзом, уцелела. Она уцелела и после двух больших расколов: на зарубежном съезде и в зарубежной церкви.

Мало того, воинскую организацию не поколебала катастрофическая, никем не предвиденная, смерть ее Создателя и Вождя.

III

Он казался холодным при продолжительном наблюдении, но никто так не умел привлекать к себе сердца. Но он привлек их не только к себе, к Врангелю, а к делу, единственному делу, которому надо служить, о котором нельзя забывать ни на одну минуту.

Он был целомудренно чист и бескорыстен, не имел личной жизни, постоянно жил какой-то потусторонней жизнью, дышал дыханием носившейся вдалеке цели. Не раз какой-то голос ему, может быть, подсказывал, что он «Русской земли» не увидит. Но он с тем же страстным убеждением делал свое дело.

Он обладал свойством больших государственных деятелей заражать сотрудников своей страстью.

Он их выбирал не по личным симпатиям, а по степени пригодности к делу, и всегда с вниманием выслушивал их самые резкие возражения. Он не знал мелочной обидчивости.

К Врангелю тянулись те иностранцы, которые *однозвучно* с ним чувствовали, ясные умом и чистые сердцем, как их можно было бы определить. Их было немного, этих иностранных друзей Врангеля.

Но без счета были рассеяны во всех концах мира иностранцы «приверженцы» Врангеля, следившие за ним, присылавшие ему приветствия, выступавшие в местных газетах на собственный риск и страх с опровержениями клеветнических выпадов. Врангель был известен не только среди больших иностранцев, интересовавшихся политикой.

Он пользовался известностью и популярностью среди маленьких людей, торговцев, ресторанной прислуги, незнакомых прохожих, озиравшихся на него при встречах на улице... В Париже такая известность, в частности, объясняется тем, что долгое время в Музее Гревен стояла его восковая фигура.

Но, конечно, не это создавало популярность. Человечество ценит чистую жертвенность. Оно ценит одинокую отвагу. У бедного, столь оклеветанного пессимистами и мизантропами человечества есть инстинкт величия. Оно-то именно во Врангеле и ощущалось.

Поэтому, если бы Промыслу Божьему было бы угодно дать Врангелю дожить до дня новой борьбы за раскрепощение России, можно быть уверенным, что он предстал бы перед людьми как лицо, облеченоное громадным нравственным, можно сказать, мировым доверием. Он обладал тем, что составляет магическую силу вождя: *его знали все как вождя*.

Русский вопрос, к сожалению, в значительной степени вопрос международный. Очищать к тому же Россию придется *с границ*, даже при самом благоприятном сочетании освободительного похода русской Белой армии, образованной вне России, и контрреволюционного взрыва внутри самой России...

* * *

Сила Врангеля заключалась в том, что он не подпадал рабству ни отвлеченной доктрины, ни ходячих мнений.

Он был творцом политических событий, окидывал обстановку быстрым взглядом, делал молниеносные выводы, брал из политического арсенала орудие *годное*, а не ласкающее взгляд.

Надо пользоваться войной против большевиков Польши — война Польши идет впрок. Польша бросила воевать, из игры вышел важный козырь — надо оставлять Крым.

Отступление, исход обращается в победу.

Борьба обретает новые, невиданные формы, плацдармом армии становится весь свет.

В Русском Совете сидят рядом монархист Шульгин и социалист Алексинский³. Но как только Русский Совет для целости армии стал опасен — Врангель поспешил орудие отбросить.

Он был лично равнодушен к благам жизни. Простые вкусы, солдатские. Деньги для него не существовали. Он не любил их, будучи бессеребренником в самом буквальном смысле, по всей своей природе.

Но организация, особенно первое время, не могла существовать без денег.

И он не задумался использовать для нее просроченные заклады, вывезенные из России ссудной казнью. На эти деньги воспитывались дети, поддерживались русские учебные заведения, оказывалось признание инвалидам, сколько студентов окончило высшее образование!

В левых кругах поднялась за эту распродажу буря. Но он отнесся к ней спокойно. Он исполнил свой долг. Клевета до него не доходила. Она была минутной гримасой, судорогой бессильной злобы врагов его дела. Она составляла необходимую для дела рамку, из которой его значение еще более выделялось.

В таких случаях он уподоблялся тому прусскому монарху, который сам распорядился направленный против него пасквиль прибить к стене выше, дабы все могли его прочесть собственными глазами.

В Галлиполи и других местах [со]следоточения Армии направленные против нее и командования статьи левых изданий читались по распоряжению начальства воинским чинам на собраниях вслух.

Кто-то сказал раз, что политика — искусство возможного. В руках же Врангеля она обратилась в искусство невозможного.

Наступал час, прибывал главнокомандующий, и происходило точно волшебство. Артели рабочих, фабричные, землекопы, шоферы — строились в ряды и превращались в Армию. Проходили знамена.

Воинская «видимость» приобретала великое значение. Она прикрывала не «пустоту», а громадное героическое напряжение к сохранению во спасение России своего «воинского лица». Защищались подступы к душе русского воина...

* * *

Дело освобождения России впереди. Потом наступят годы ее устроения. Освободители и строители не раз вспомнят Врангеля. Он их предтеча...

